

«Опять в лосинах, эполетах,
Он скромненько стоит бочком,
Изящен, молод не по летам,
И хвост по-прежнему торчком».

В. Гафт

— **В**аша прапрабабушка — знаменитая графиня Анна Павловна Шерер, о которой рассказал Лев Толстой в «Войне и мире». А кем была ваша мама?

— Моя мама в молодости танцевала в мюзик-холле. Вообще, у меня наблюдается парадокс в происхождении: с одной стороны, предки мои крепостные, а с другой — крепостники. До перестройки я в анкетах писал, что родом из крепостных, а теперь — из дворянства.

— **Какая роль была для вас самой неожиданной?**

— Когда режиссер Трегубович предложил мне роль есаула Соломонова в «Даурии», это было для меня естественно — жесткий человек, стрелявший с удовольствием в коммунистов. Потом Трегубович пригласил меня в картину «Доверие» о Ленине, где я играл уже Бонч-Бруевича. Это еще было куда ни шло. Но он постепенно меня стал приближать к партии и, наконец, предложил сыграть в «Обратной связи» секретаря парткома крупнейшего завода. Тут уже мне стало не по себе. И не потому, что я был беспартийный, а от партийного окружения «со стажем»: секретаря обкома играл Михаил Ульянов, секретаря горкома — Кирилл Лавров, директора завода — Олег Янковский. И тут я! А самыми сложными были для меня роли в американских фильмах «История Аляски» и «Империя орлов». Мне, не знающему английского языка, пришлось учить роли наизусть с плеером в ушах, не снимая наушники даже в туалете.

— **Игорь Борисович, а правда, что вас приглашали на роль Ленина?**

— Нет, что вы, не приглашали даже на роль Крупской.

— **Какие телевизионные фильмы вам больше всего запомнились?**

— Я всех их люблю и радуюсь, что режиссер Ян Фрид семь раз меня приглашал в свои картины. Сейчас он живет в Германии. Недавно мне звонил, приглашал повидаться. Я люблю, конечно, маркиза Федерико из «Собаки на сене». Но картина Татарского «Приключения принца Флоризеля» особенно мне дорога памятью общения с Олегом Далем. Олег был сложным, замкнутым человеком. Тема приближающейся смерти во всех разговорах звучала постоянно. Как-то в Вильнюсе мимо нашего автобуса проехал траурный катафалк с возницей в цилиндре, с раскачивающимися красивыми фонарями. «Смотрите, как красиво хоронят в Литве, а меня повезут по Москве в закрытом автобусе. Как неинтересно!»

— **Неужели он вам таким печальным и запомнился?**

— Ну почему же. Как-то мы делали одну сцену «восьмеркой», когда диалог снимает из-за плеча сначала одного, а потом другого актера. Уже отсняли Олега и начали меня — из-за его плеча. Я обращаюсь к Флоризелю-Далю и говорю: «Принц, я должен отомстить за смерть брата». А он в кадре, при включенной камере мне отвечает: «Игорь Борисович, а вы купили что-нибудь нам на ужин?»

Съемка закончится, нам же жрать будет нечего!» — «Стоп! — говорит режиссер.

— Замечательно!» — «Что замечательно? Вы не слышали, что сказал Олег?»

— возмутился я. «Игорь Борисович, у вас от неожиданности так сверкнул глаз, вы иначе никогда бы это не сыграли», — лукаво ответил Дале.

— **Наверняка вы с ним «посчитались». Всем известно, как вы любите разыгрывать окружающих.**

— Я признаю только те розыгрыши, которые не приносят ни морально, ни материального ущерба. Подставить чернильницу человеку в белых штанах или выскочить из-за угла и напугать до обморока — это идиотизм. Ро-

ТЪ Парк. - 1996. - 25 марта. - с 8-9.

Игорь

ДМИТРИЕВ